

**ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАРРАТИВА
В РОМАНЕ П. П. ЗУБОВА «КАРАБАХСКИЙ АСТРОЛОГ,
ИЛИ ОСНОВАНИЕ КРЕПОСТИ ШУШИ В 1752 ГОДУ»**

*Светлой памяти
Михаила Давидовича Амирханяна
посвящается*

Д.В. ЛАРКОВИЧ

**Сургутский государственный педагогический университет
г. Сургут, Россия**

dv110@yandex.ru

Статья представляет собой опыт комплексной характеристики принципов организации художественного нарратива в историческом романе Платона Павловича Зубова «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году» (1834). На фоне отечественной жанровой традиции, восходящей к романам Вальтера Скотта и ориентирующейся преимущественно на национальный исторический материал, сочинение Зубова отсылает читателя к драматическим событиям середины XVIII столетия, связанным с междоусобными распрями расположенных на территории Арцаха армянских меликств. Персонажные образы романа представлены автором в ракурсе этической динамики, аксиологически неоднозначны, ситуативно и психологически мотивированы, что свидетельствует о влиянии реалистических тенденций на творчество писателя. Множественность точек зрения на ключевые события романа, выражающаяся в речевой активности персонажей, в сочетании с условно «нейтральной» позицией повествователя, который становится на позицию независимого хроникера, способствует созданию объективной картины одного из числа кризисных

моментов истории армянского народа и позволяет читателю самостоятельно выработать оценочные критерии его восприятия.

Ключевые слова: русская литература 1830-х годов, исторический роман, кавказская тема, вальтер-скоттовская традиция, художественный нарратив, Платон Павлович Зубов, «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году», история Карабаха.

Литературное творчество русского писателя, поэта и историка Платона Павловича Зубова (ок. 1796 – не ранее 1857), к сожалению, мало известно современному читателю. Имя племянника видного екатерининского вельможи чаще упоминается в материалах, отражающих различные обстоятельства его богатой яркими событиями и неожиданными метаморфозами биографии [5]. Между тем, будучи непосредственным участником Отечественной (1812), русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войн, обладая острой наблюдательностью и имея широкий мировоззренческий кругозор, Зубов оставил после себя достаточно объёмное творческое наследие, представленное художественной прозой, патриотической лирикой, сочинениями историко-этнографического характера и дошедшее до нас в более чем 20 прижизненных публикациях (см. приложение), в которых, по словам М.Д. Амирханяна, нашёл отражение «первый опыт последовательного изучения фактов о Кавказском крае» [2: 5].

Издания Зубова не только пользовались успехом у широкой читательской общественности середины XIX века, но и нередко получали благосклонные отзывы современной ему литературной критики. Так, например, откликнувшись рецензией на зубовское историческое обозрение «Подвиги русских воинов в странах кавказских, с 1800 по 1834 год» (1835–1836) и попеняв автору за то, что его «главный недостаток состоит в слоге, который обличает руку не твердую, не привычную, словом, не литературную», В.Г. Белинский всё же констатирует: «Поименованная книга, по своей цели и назначению, принадлежит к числу книг *дельных* ... сколько трудов, и каких трудов, стоило автору составление подобного сочинения! И ... несмотря на все его недостатки, оно чрезвычайно

любопытно и читается с большим удовольствием» [4: 409]. А, характеризуя его исторический роман «Талисман, или Кавказ в последние годы царствования императрицы Екатерины II» (1847), В.Н. Майков восторженно отмечает: «В этом произведении разнообразного таланта, поэзия, история и философия соединяются самым тесным образом и производят на читателя самый полный, самый очаровательный эффект. Но, чтобы передать всю сладость такого впечатления, надо самому владеть тройным оружием поэта, историка и философа так, как г. Платон Зубов: никакая рецензия не передаст высокой художественности его картин, ни занимательности сообщаемых им исторических подробностей, ни глубокомыслия его философских положений» [9: 92]¹.

Гораздо более сдержанно оценивают сочинения П.П. Зубова современные исследователи. В эпизодических характеристиках творчества некогда известного писателя явственно прочитывается стремление квалифицировать его прозу как заурядное явление массовой литературы, не пережившее свое время, а его исторические романы заслуживают проходного упоминания лишь в связи с тем, что содержат «клишированные мотивы» и «большое количество случайных совпадений, мелодраматических сцен, риторических рассуждений» [3: 29]. Учитывая тот факт, что из обширного творческого наследия Зубова в последние десятилетия была переиздана лишь малая его часть [7; 8], такая оценка понятна, но малопродуктивна, ибо она не объясняет причины прижизненной востребованности зубовских сочинений, причем не только в кругах массовой читательской аудитории, но и среди эстетически искушенной и взыскательной литературной критики первой половины XIX века. Можно предположить, что объяснение данного противоречия следует искать не столько в общих тенденциях развития литературного процесса указанного периода, сколько в конкретных принципах организации художественного высказывания, за которыми стоит сама индивидуальность писателя с ее особой эстетической программой и персональной авторской стратегией.

¹ Здесь и далее во всех цитируемых фрагментах сохранены особенности пунктуации первоисточника.

Весьма примечателен в ракурсе поэтики художественного нарратива «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году», жанр которого П.П. Зубов определил как «исторический закавказский роман». Изданный в двух частях в 1834 году в Московской университетской типографии «Карабахский астролог» действительно появился в период расцвета русской исторической романистики, которая, говоря словами С.М. Петрова, становится следствием развития «идеи национального своеобразия исторического пути каждого народа, каждой нации, зависимости судеб людей и отдельного человека от исторически сложившихся особенностей окружающей их общественной среды» [10: 4]. По справке итальянского литературоведа Д.Ребеккини, в период с 1829 по 1839 гг. было опубликовано 93 произведения, маркированного формальными (авторское указание на жанр в заголовке или подзаголовке, объем произведения, форма изложения) и/или содержательными (описание исторического фона, изображение исторических персонажей, наличие *couleur locale*) жанровыми признаками исторического романа [11: 419]. Примечательно то, что на фоне бурно развивающейся жанровой традиции, ориентирующейся преимущественно на национальный исторический материал (Ф.В. Булгарин, М.Н. Загоскин, Р.М. Зотов, И.И. Лажечников, Н.А. Полевой и др.), Зубов едва ли не единственный автор, который актуализирует в своем романном творчестве 1830-х гг. («Прекрасная грузинка, или Нашествие Аги Магмет хана на Тифлис в 1795 году», «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году») кавказскую, точнее – закавказскую тему².

Следует напомнить, что с начала 1820-х гг. тема Кавказа активно входит в русскую литературную практику и закрепляется в разнообразных жанровых модификациях (поэма, повесть, очерк, лирическое стихотворение и др.). Романтическая литературная традиция, позиционирующая Кавказ как экзотическое пространство ментальной свободы, во многом была инспирирована событиями кавказской, русско-персидской и русско-турецкой войн 1810–1820-х гг., что, в

² Замысел задуманного в 1833 году «кавказского» романа «Вадимов» А.А. Бестужевым-Марлинским так и остался незавершенным.

частности, нашло непосредственное отражение в сюжетной структуре т.н. «кавказской повести» (А.А. Бестужев-Марлинский, М.Ю. Лермонтов, Н.И. Зряхов и др.). В результате П.П. Зубов создает свой «исторический закавказский роман» на пересечении двух жанровых векторов: *исторического романа*, сосредоточенного на судьбе личности в условиях бурных событийных коллизий героического прошлого, и *кавказской повести* с ее этнографизмом, культурной экзотикой и этической бескомпромиссностью. Писатель, несомненно, учитывает опыт своих предшественников, но не копирует его, а проявляет высокую степень авторской самостоятельности, в особенности – в организации художественного высказывания.

Так, действие «Карабахского астролога» отсылает читателя к драматическим событиям середины XVIII столетия, связанным с междоусобными распрями расположенных на территории Арцаха армянских меликств (владений), что, как известно, привело к утрате их политической самостоятельности и насильственному вхождению в состав Карабахского ханства. Зубов отказывается от романтического взгляда на Кавказ и Закавказье как на пространство свободы и природной чистоты нравов. Основу сюжетной коллизии романа определяет ситуация борьбы за власть в Хаченском княжестве, в стремлении к которой герои нередко прибегают к интригам, обману и тайным сговорам.

Принимая во внимание широко востребованную в русской литературной практике вальтер-скоттовскую модель исторического романа, автор вводит в состав персонажной системы «Карабахского астролога» героев, восходящих к реальным историческим прототипам, которые соседствуют с героями вымышленными. К числу художественных версий реальных исторических персоналий относятся Варандинский Мелик Шахназаров (Мелик Шахназар II), Джамшид (Джумшуд Мелик-Шахназарян), Мелик Талышинский (Овсеп Мелик-Бегларян), Панахан (Панах-Али хан) и др. В отличие от шотландского романиста, у которого, по словам М.Г. Альтшуллера, «известные исторические деятели *всегда* появляются на периферии» [1: 20], Зубов, как правило, сосредоточивает на героях данного типа повествовательную фокусировку и наделяет их высокой степенью

сюжетообразующей и речевой активности. При этом он весьма вольно интерпретирует исторические факты, придавая повествованию художественную увлекательность и предельно накаляя нить сюжетной интриги.

Так, основная любовная линия романа связана с образом Джамшида, племянника правителя Варандинского меликства Шахназарова (в действительности – сына Шахназара II), который вопреки требованиям своенравного дяди женится на красавице Салге из простой джаванширской семьи, исповедующей ислам. Все ключевые перипетии этой высокой и самоотверженной любви, преодолевающей политические, сословные, конфессиональные и моральные преграды, происходят на фоне непримиримой междоусобной вражды, коварных интриг и кровавых столкновений, в которые вольно или невольно вовлечены все персонажные образы романа. С сюжетной линией отношений Джамшида и Салги связан мотивный комплекс, пришедший в литературу из фольклора и укоренившийся в жанре авантюрного романа, который включает в себя мотивы тайной женитьбы, нарушенного договора, испытания на верность, несбывшегося предсказания, похищения возлюбленной, поединка чести и др. Напряжённая сюжетная динамика, последовательно сопровождающая историю этих отношений вплоть до ее печальной развязки (гибель обоих героев и их детей), призвана подчеркнуть мысль о том, что «большая история» безразлична к судьбам конкретных людей с их частными интересами и «маленьким» счастьем, и человек, попавший под ее тяжеловесные колеса, – вовсе не помеха ее неумолимому поступательному движению.

Крупным планом представлены образы главных участников политического противостояния. Несмотря на то, что их властные амбиции становятся источником массового кровопролития и братоубийственных баталлий, автор сознательно избегает схематичности и карикатурности при их изображении. Образ каждого из них дан в ракурсе этической динамики, аксиологически неоднозначен, ситуативно и психологически мотивирован. Так, в зависимости от сюжетной ситуации Варандинский Мелик Шахназаров предстает перед

читателем как человек вспыльчивый, но отходчивый, расчетливый и дальновидный, но суеверный, гордый, но подобострастный. Стремящийся к беспредельной власти в Арцахе Панахан показан не только как отважный воин, но и как коварный и жестокий деспот, ему не чужды как благородные порывы души, так и вероломство, он может быть великодушен и низок одновременно. Мелик Талышинский предстает в романе как заложник доведенной до абсурда родовой и сословной чести: в стремлении отомстить нарушившему свое обещание соседу Шахназарову он готов принести в жертву будущность всего своего народа и своей семьи, которые составляют смысл всей его жизни. Характерно, что именно этот персонаж, осознав свою вину за гибель тысяч своих соплеменников, приходит к выводу о роковой и бессмысленной пагубности междоусобицы: «А всему причиною наши распри. Будь мы всегда соединенными, как в старину наши предки при Шах Аббасе, этому Джеванширцу и в голову бы не пришло владычество над Карабахом; а то мы все пять маленьких владельцев, последний остаток знаменитого Арменского царства, давай беспрестанно спорить, ссориться и воевать за каждый вздор, за всякую безделицу вот и довоевались до того, что нажили себе повелителя» [6: II, 87–88].

Особая роль в персонажной структуре романа отведена иранскому астрологу Гассану, который выполняет сюжетной функцию *псевдотаинственного помощника*. Ловко оперируя лжемистическими знаниями и используя суеверные настроения карабахских лидеров, он оказывает определяющее влияние на решение важных политических вопросов, не забывая о своей личной выгоде. В результате чреды коварных хитросплетений и авантюрных махинаций псевдоастролога незнатный и малоизвестный предводитель пришедшего кочевого племени джеванширов Панахан получает право на владение крепостью Шуши и становится единоличным правителем Карабахского ханства. Это причудливое пересечение вымышленного и достоверного, фиктивного и подлинного, случайного и закономерного, предопределившее логику исторического процесса в Закавказье нашло отражение в самом

названии романа «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году».

Впрочем, подобно иным персонажным фигурам зубовского сочинения, Гассан – образ неоднозначный. Он предстает в романе не только как ловкий мошенник, но и как человек, способный на бескорыстное сострадание. Узнав о горестной ситуации Джамшида, тайно женившегося на прекрасной мусульманке и вынужденного скрывать свой брак от властного, но горячо любящего своего племянника дяди, Гассан вызывается помочь ему благополучно решить проблему и добивается успеха в решении неразрешимой, казалось бы, проблемы. Более того, проникшись глубоким уважением к благородному юноше, готовому жертвовать во имя своей любви добрым именем, наследством да и самой своей жизнью, он становится для него верным, бескорыстным помощником и поддержание его в самых сложных и запутанных ситуациях на протяжении всего романного действия. Именно ему, Джамшиду, карабахский астролог Гассан раскрывает тайну своих «мистических» прозрений, и эта исповедь становится знаком искреннего доверия к человеку, обладающему высокой нравственной силой: «...наша братья Астрологи, вынуждаемые голодом, научась сколько-нибудь о положении звезд, затвердив наизусть их имена, толкуют с важностью несчастным простакам о созвездиях, о их соединениях, противустояниях и Алла знает какой вздор. Суеверные Иранцы боятся сделать шаг за ворота, чтобы не посоветоваться с Астрологом, отгадает он случайно, сколько похвалы, славы и денег. Не отгадает он, все останется прав... Не удивляйтесь, Мелих, что у нас много Астрологов, это очень прибыльная должность» [б: I, 96].

Следует отметить, что, подобно устойчивой нарративной модели исторического романа вальтер-скоттовского типа, в тексте «Карабахского астролога» преобладает форма безличного повествования, что, по замыслу автора, должно акцентировать эффект объективности художественного сообщения. В исключительно динамичную повествовательную ткань текста встраиваются и другие формы художественного высказывания, что повышает его информативность, стимулирует разнообразие читательских впечатлений и несколько снижает

исключительно высокий фабульный темп. В ряду художественных дескрипций важную роль играют портретные описания, предназначенные для передачи сложных этико-психологических состояний, которые переживают герои в различных ситуациях. Вот, например, как повествователь воссоздает образ Варандинского Мелиха, пребывающего в смятенном ожидании «судьбоносного» астрологического предсказания: «Солнце сияло в полном блеске, озаряя сей разнообразный пейзаж, но оный не имел ничего привлекательного для Мелиха *Шахназарова*³ которого наморщенное чело изображало сильное душевное движение. Он часто гладил свою бороду, усы, и посматривал с неудовольствием, смешанным с нетерпением, на малорослого безобразного Татарина с красным носом, который, сидя с поджатыми ногами на ковре, чертил что-то на каменном полу. <...> Мелих, уставши наконец от ходьбы по комнате, остановился подле задумчивого Татарина; с увеличивавшеюся час от часу досадою смотрел на его работу, наконец, потеряв совершенно терпение, схватил с него высокую баранью шапку и, бросив на пол, с сердцем вскричал...» [б: I, 6–7].

Не менее примечательны многочисленные пейзажные и интерьерные описания, которые художественно реконструируют пространство происходящих действий. В стремлении достигнуть максимальной достоверности при сообщении о происходящих событиях повествователь не скупится на детали и подробности, будь то описание величественных красот закавказского ландшафта, богатого дворца мелиха, мрачного крепостного подземелья, скромного жилища кочевников или походного шатра их предводителя. Художественное пространство в описаниях подобного рода выполняет функцию характерологического средства, дополняющего и уточняющего представления о сущности того или иного персонажного образа. Так, например, походный шатёр Панахана, представленный в IX главе, наглядно выражает его двойственную натуру – суровую сдержанность воина и показную роскошь статусной особы: «Старшина Джевонширцев хотя жил в таком же шалаше как и прочие, но оный сделан был гораздо крепче, плотнее, убран снаружи войлоками, а

³ Здесь и далее курсив автора.

внутри украшен Персидскими коврами. Шалаш разделялся на несколько отделений, из коих назначенное для женщин было столь плотно обмазано глиною и выбелено снаружи, что составляло как бы каменное здание; несколько евнухов сторожили сие заповедное жилище, открывавшееся только для *Панахана*; вопреки обычной простоте *Джевоширцев*, жены *Панахана* носили чадру выходя в сопровождении евнухов и закутывали себе лицо, надевая сверх того на глаза шерстяную сетку, по обычаю Персиян» [б: I, 101–102].

Высокой степенью художественной выразительности отмечены батальные сцены романа. Примечательно то, что автор сознательно отходит здесь от стереотипной оценочной шкалы «герои – трусы». И те, и другие представители враждующих сторон изображены как отважные воины, чуждые малодушия и не ведающие страха. Военное столкновение воспринимаются как волевое соперничество, как героический поединок равных, где исход сражения заранее не известен. Однако драматизм ситуации определяется тем, что непримиримые враги – это соплеменники, представители одного народа и одной веры, и катастрофичность происходящего акцентирована в романе образом огненной стихии, непреодолимой, безжалостной и уничтожающей всё живое на своем пути: «Кровопролитие было ужасное. Неприятели, обезумев хватили оружие, бросались друг на друга и погибали сраженные кинжалами и саблями Варандинцов, или резали друг друга. В ту минуту молния, как будто содействуя успехам Джемшида, сверкнула над одним шалашом и зажгла оный. Страшный треск грома потряс окрестности и отразился в тысячных перекатах эхом гор. Огонь быстро охватил все шалаша, и при сем зареве Варандинцы истребляли своих неприятелей, как хищных зверей» [б: II, 23].

Особое место в тексте романа принадлежит различным этнографическим справкам, которые призваны познакомить русского читателя с бытом, традициями и нравами экзотических для него народов Закавказья. На фоне стремительно развивающегося авантюрного сюжета эти экскурсы в национальные культуры имеют не столько познавательные цели, сколько создают особую атмосферу иной жизни, уходящей корнями в глубокую древность, исполненной особого

сакрального смысла, чуждой нелепой вражды, необоснованной ненависти и суетной корысти. Примечателен в этом смысле эпизод из VI главы, в котором Джемшид рассказывает о своей женитьбе на Салге и в котором нашли отражение ритуальные элементы свадебного обряда джевонширцев: «По обычаю Джевонширцев, не допуская несколько приблизиться Салге, я бросил в нее яблоко, которое нарочно для сего держал в руке, и то было знаком к начатию игр. Салга, сидевшая на отличной лошади, пустилась как стрела, к своему жилищу, моя свита бросилась за нею, ее родственники упорствовали покровительствовать бежавшим, а мои старались схватить за узду лошадь Салги. После долгого сопротивления, один из моей свиты успел остановить ее; мы соединились, и со всею свитою отправились к моему дому. Когда доехали до моей землянки, я стал просить Салгу сойти с лошади, ко мне присоединились все родственники. Но женщины, сопровождавшие Салгу, уговаривали ее не исполнять сего. Было много спора для одного обряда. Наконец Салга сошла с лошади, я ее принял, ввел с торжеством в землянку» [6: I, 65–66].

Здесь важно отметить, что, наряду с изображающей речью безличного повествователя, весьма значительная часть текста представлена речью изображенной, т.е. высказываниями различных персонажных образов (внутренние и внешние монологи, диалоги, фрагментарные реплики и т.п.). Подобные высказывания могут достигать значительных объемов, как, например, в эпизоде сообщения Джемшидом подробностей истории своей жизни в стане джеванширцев, знакомства с Салгой и тайной женитьбы, которая изложена в IV–VI главах и занимает 34 страницы печатного текста [6: I, 38–72].

В речи персонажей явственно ощущается стремление писателя к индивидуализации образа говорящего, которая достигается лексико-стилистическими средствами и маркируется тематическим ореолом. Автор позволяет высказаться практически всем основным и второстепенным героям романа, и на пересечении их голосов возникают частные драматические коллизии, которые вплетаются в магистральное русло развития конфликта. Более того, речевые стратегии героев не только оказывают влияние на общую логику романного сюжета, но и определяют его ключевые событийные узлы. Так,

кровапролитное сражение, унесшее тысячи жизней отважных воинов Карабахского края, мотивировано в романе неспособностью выстроить диалог движимого оскорбленным чувством родовой чести сына Талашинского мелиха Гуссейна и разгневанного дерзкими речами собеседника Варандинского мелиха Шахназарова [6: I, 79–84]. А право на строительство и бессрочное владение крепостью Шушей представлено как результат коварного, но искусно организованного и умело разыгранного (при деятельном участии астролога Гассана) коммуникативного сценария Панахана, что способствовало его последующему возвышению [6: II, 33–35].

Множественность точек зрения на ключевые события романа, выражающаяся в речевой активности персонажей, в сочетании с условно «нейтральной» позицией повествователя, который становится на позицию независимого хроникера, способствует созданию объективной картины одного из числа кризисных моментов истории армянского народа и позволяет читателю самостоятельно выработать оценочные критерии его восприятия, осмыслить его причины, понять следствия. А художественная форма исторического романа с его авантурным сюжетом и красочной словесной живописью переводит этот процесс восприятия в поле этических и эстетических переживаний. Лишь в финальной части романа, избегая прямой оценочности, повествователь лаконично, но достаточно красноречиво подводит итоги многовековой истории карабахского меликства: потенциального правителя Варанды Джемшида и его любимое семейство уносит эпидемия чумы (пришедшая из Персидских областей!); хитроумный проходимец астролог Гассан казнен за очередную интригу, затеянную теперь уже против своего покровителя; Мелих Варандинский, всячески способствовавший возвышению Панахана и считавший его своим другом, очень быстро утрачивает свою независимость; а сын и наследник Панахана «еще с большим деспотизмом начал управлять Карабахом, не терпя ни малейшего противоречия» [6: II, 113]. И лишь с вхождением в состав Российской Империи Арцах обрел относительное спокойствие, но уже в статусе Карабахского ханства.

Возникает вопрос, какую же позицию по отношению к изображаемым событиям занимает сам автор? Следует предположить, что наиболее полно она нашла выражение в названии романа, где основание крепости Шуши квалифицировано как рубежное событие в драматической судьбе армянского народа, точная датировка (1752 год) подчёркивает историческую предопределенность этого события, а упоминание фигуры карабахского астролога отсылает к фактору внешних вероломных козней, повлиявших на это событие в условиях утраты внутринационального единства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтшуллер М.Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб: Академический проект, 1996. 336 с.
2. *Амирханян М.Д.* Платон Павлович Зубов и его роман «Карабахский астролог» // Зубов П.П. Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году. Ереван: Лусабац, 2013. С. 4–12.
3. *Багратион-Мухранели И.Л.* Кавказ в русской массовой литературе XIX века // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 4. С. 26–34.
4. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: [в 13-ти т.]. Т. 1: Статьи и рецензии: Художественные произведения: 1829–1835 / [подготовка текста и коммент. В.С. Спиридонова]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 574 с.
5. *Евсеева М.К.* Зубов Платон Павлович // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2: Г–К. С. 361–362.
6. *Зубов П.П.* Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году: исторический закавказский роман: ч. 1–2. М.: Унив. тип., 1834.
7. *Зубов П.П.* Карабахский астролог, или основание крепости Шуши в 1752 году. Ереван: Барцрагуйн дпротс, 1993. 128 с.

8. *Зубов П.П.* Персидская война в царствование императора Николая I: с приложением указов, приказов, рескриптов и грамот, подписанных императором. 3-е изд. М.: URSS: Ленанд, 2017. 265 с.
9. *[Майков В.Н.]*. Талисман или Кавказ, в последние годы царствования императрицы Екатерины II. Исторический роман в 2-х частях. Соч. Платона Зубова. Санктпетербург. 1847. В тип. Е. Фишера. В 8-ю д. л. 144 стр. // Отечественные записки. 1847. № 2. С. 92–95.
10. *Петров С.М.* Русский исторический роман XIX века. Изд. 2-е. М.: Худож. лит., 1984. 374 с.
11. *Ребеккини Д.* Русские исторические романы 30-х годов XIX века: библиографический указатель // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 416–433.

REFERENCES

1. *Al'tshuller M.G.* E'poxa Val'tera Skotta v Rossii. Istoricheskij roman 1830-x godov. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 1996. 336 s.
2. *Amirxanyan M.D.* Platon Pavlovich Zubov i ego roman «Karabaxskij astrolog» // Zubov P.P. Karabaxskij astrolog, ili Osnovanie kreposti Shushi v 1752 godu. Erevan: Lusabacz, 2013. S. 4–12.
3. *Bagratiun-Muxraneli I.L.* Kavkaz v russkoj massovoj literature XIX veka // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2014. № 4. S. 26–34.
4. *Belinskij V.G.* Polnoe sobranie sochinenij: [v 13-ti t.]. T. 1: Stat'i i recenzii: Xudozhestvenny'e proizvedeniya: 1829–1835 / [podgot. teksta i komment. V.S. Spiridonova]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953. 574 s.
5. *Evseeva M.K.* Zubov Platon Pavlovich // Russkie pisateli, 1800–1917: Biograficheskij slovar' / gl. red. P.A. Nikolaev. Moscow: Bol'shaya rossijskaya e'nciklopediya, 1992. T. 2: G–K. S. 361–362.
6. *Zubov P.P.* Karabaxskij astrolog, ili Osnovanie kreposti Shushi v 1752 godu: istoricheskij zakavkazskij roman: ch. 1–2. Moscow: Univ. tip., 1834.

7. *Zubov P.P.* Karabaxskij astrolog, ili osnovanie kreposti Shushi v 1752 godu. Erevan: Barczragujn dprocz, 1993. 128 s.
8. *Zubov P.P.* Persidskaya vojna v czarstvovanie imperatora Nikolaya I: s prilozheniem ukazov, prikazov, reskriptov i gramot, podpisanny'x imperatorom. 3-e izd. Moscow: URSS: Lenand, 2017. 265 s.
9. [*Majkov V.N.*]. Talisman ili Kavkaz, v poslednie gody' czarstvovaniya imperatricy Ekateriny' II. Istoricheskij roman v 2-x chastyax. Soch. Platona Zubova. Sanktpeterburg. 1847. V tip. E. Fishera. V 8-yu d. l. 144 str. // Otechestvenny'e zapiski. 1847. № 2. S. 92–95.
10. *Petrov S.M.* Russkij istoricheskij roman XIX veka. Izd. 2-e. M.: Xudozh. lit., 1984. 374 s.
11. *Rebikini D.* Russkie istoricheskie romany' 30-x godov XIX veka: bibliograficheskij ukazatel' // Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. № 34. S. 416–433.

Приложение

Прижизненные издания П. П. Зубова

1. *Зубов П.П.* Картина последней войны России с Персией 1826–1828: С присовокуплением ист.-стат. обзора завоеванных городов и воспоминаний о Эривани. СПб.: тип. К. Вингебера, 1834. 138 с.
2. *Зубов П.П.* Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833 году Платоном Зубовым. М.: тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1834. 107 с.
3. *Зубов П.П.* Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году: исторический закавказский роман: ч. 1–2. М. Унив. тип., 1834.
4. *Зубов П.П.* Прекрасная грузинка, или Нашествие Аги Магмет хана на Тифлис в 1795 году: исторический грузинский роман: [в 2 ч.]. М.: Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1834.
5. *Зубов П.П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом,

- этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. 1–4. СПб.: тип. К. Вингебера, 1834–1835.
6. *Зубов П.П.* Подвиги русских воинов в странах кавказских, с 1800 по 1834 год: с присовокуплением биографий главнейше замечательных лиц, действовавших в первое тридцатитрехлетие русского владычества за Кавказом; Историческо-статистического описания мест, прославивших русское оружие в кавказских странах, 25 портретов, видов и планов сражений и общей карты Кавказского края: [в 2 т.]. СПб.: в Тип. Конрада Вингебера, 1835–1836.
 7. *Зубов П.П.* Живописная панорама всеобщей военной истории, издаваемая Платоном Зубовым. Т. 1: Взгляд на военное образование древних персов во время Кира: С описанием Тимбрейской битвы, пл. оной и 4 рис., изображающими нац. одежду и вооружение персов и египтян. СПб.: тип. К. Вингебера, 1836. 39 с.
 8. *Зубов П.П.* Персидская война в царствование императора Николая I. 2-е изд. СПб.: тип. К. Вингебера, 1837. 269 с.
 9. *Зубов П.П.* Подвиги русских на Кавказе: От принятия ген. Ермоловым гл. начальства над Кавказским краем до начала последней Персид. войны. 2-е изд. СПб.: тип. К. Вингебера, 1837. 316 с.
 10. *Зубов П.П.* Исторические анекдоты персидский государей: От самого основания Персид. монархии до наших времен. М.: тип. А. Евреинова, 1838. 150 с.
 11. *Зубов П.П.* Талисман, или Кавказ в последние годы царствования императрицы Екатерины II : Историч. роман: В 2-х ч. СПб.: тип. Е. Фишера, 1847.
 12. *Зубов П.П.* Стихотворения и русские солдатские песни в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году. СПб.: тип. Х. Валя, 1854. 24 с.
 13. *Зубов П.П.* Альбом патриотических стихотворений на нынешнюю войну. СПб.: Ф. Тертилова, 1854. 36 с.
 14. *Зубов П.П.* Вот это чисто по-русски! или Князь Бебутов под Карсом 24 июля 1854 года: [Стихотворение]. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1854. 8 с.

15. *Зубов П.П.* Незабвенной памяти генерал-адъютанта вице-адмирала Владимира Алексеевича Корнилова: [Стихотворение]. СПб.: тип. Экбертс, 1854. 5 с.
16. *Зубов П.П.* Герой Щеголев, юный питомец русской славы. Достопамятный его подвиг под Одессою против соединенного англо-французского флота в страстную субботу 10 апреля 1854 г.: [стихотворение]. СПб.: [Б.и.], 1854. 8 с.
17. *Зубов П.П.* Ай, ай, ай! вот попался невзначай: Песенка Пальмерстона, в сент. 1854 г.: С портр. Пальмерстона во весь рост. СПб.: тип. Экбертс, 1854. 8 с.
18. *Зубов П.П.* Битва русских с англичанами и французами на Инкерманских высотах близ Севастополя. 24 окт. 1854 г. СПб.: тип. 2 Отд. Собств. е. и. вел. канцелярии, ценз. 1854. 6 с.
19. *Зубов П.П.* Дети царя русского защитники веры и славной Родины: Рассказ старого русского инвалида добрым своим землякам: [В стихах]. [СПб.]: тип. Крыловской, 1854. 8 с.
20. *Зубов П.П.* Не уступим мы ни шагу, с нами бог! Вперед – ура!: Рус. воен. песня, напис. при известии о высадке французов в Крыму в сент. 1854 г. М.: тип. М. Смирновой, 1855. 18 с.
21. *Зубов П.П.* Тень певца во стане русских воинов над святынею Севастополя: [Стихотворение]. М.: тип. Ал. Семена, 1855. 8 с.
22. *Зубов П.П.* Славны бубны за горами, или Дундас у Кронштадта: [Стихотворение]. СПб.: тип. Королева и К°, 1855. 8 с.

**ԳԵՂԱՐՎԵՍՏԱԿԱՆ ՊԱՏՄՈՂԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՊՈԵՏԻԿԱՆ
Պ. Պ. ԶՈՒԲՈՎԻ «ՂԱՐԱԲԱՂՅԱՆ ԱՍՏՂԱԳՈՐԾԸ, ԿԱՄ
ՇՈՒՇԻԻ ԱՄՐՈՑԻ ՀԻՄՆԱԴՐՈՒՄԸ 1752 ԹՎԱԿԱՆԻՆ»
ՎԵՊՈՒՄ**

Դ. Վ. ԼԱՐԿՈՎԻՉ

**Սուրգուտի պետական մանկավարժական համալսարան
Սուրգուտ, Ռուսաստան**

Հոդվածում փորձ է արվում համապարփակ կերպով բնութագրել Պլատոն Զուբովի «Ղարաբաղյան աստղագործը, կամ Շուշիի

ամրոցի հիմնադրումը 1752 թվականին» (1834) պատմավեպում գեղարվեստական պատմողականության կազմակերպման սկզբունքները: Վալտեր Սքոթի վեպերից սկիզբ առնող և հիմնականում ազգային պատմական նյութի վրա կենտրոնացած ներքին ժանրային ավանդույթի ֆունի վրա Չուբովի աշխատանքը ընթերցողին հղում է կատարում 18-րդ դարի կեսերի դրամատիկ իրադարձություններին, որոնք կապված են Արցախի տարածքում գտնվող հայկական մելիքությունների ներքին բախումների հետ: Հեղինակը վեպի հերոսներին ներկայացնում է էթիկական դինամիկայի տեսանկյունից, նրանք արժեքաբանորեն երկիմաստ են, իրավիճակային և հոգեբանականորեն մոտիվացված, ինչը վկայում է գրողի ստեղծագործության վրա ռեալիստական միտումների ազդեցության մասին: Վեպի հիմնական իրադարձությունների վերաբերյալ տեսակետների բազմազանությունը, որը արտահայտվում է հերոսների խոսքային գործունեության մեջ, անկախ ժամանակագրի դիրք գրավող պատմողի պայմանականորեն «չեզոք» դիրքորոշման հետ համատեղ, նպաստում է հայ ժողովրդի պատմության ճգնաժամային պահերից մեկի օբյեկտիվ պատկերի ստեղծմանը և թույլ է տալիս ընթերցողին ինքնուրույն մշակել դրա ընկալման գնահատման չափանիշներ:

***Բանալի բառեր՝** 1830-ականների ռուսական գրականություն, պատմական վեպ, կովկասյան թեմա, Վալտեր Սքոթի ավանդույթ, գեղարվեստական պատում, Պլատոն Պախովիչ Չուբով, «Ղարաբաղի աստղագուշակը կամ Շուշիի ամրոցի հիմնադրումը 1752 թվականին», Ղարաբաղի պատմություն:*

POETICS OF ARTISTIC NARRATIVE IN THE NOVEL BY P. P. ZUBOV

“THE KARABAKH ASTROLOGER, OR THE FOUNDATION OF THE SHUSHI FORTRESS IN 1752”

D. V. LARKOVICH

**Surgut State Pedagogical University
Surgut, Russia**

The article is an attempt to comprehensively characterize the principles of organizing the artistic narrative in the historical novel by Platon Zubov “The Karabakh Astrologer, or the Foundation of the Shushi Fortress in 1752” (1834). Against the background of the domestic genre tradition, dating back to the novels of Walter Scott and focusing mainly on national historical material, Zubov’s work refers the reader to the dramatic events of the mid-18th century associated with the internecine strife of the Armenian melikdoms located in the territory of Artsakh. The author presents the characters of the novel from the perspective of ethical dynamics, they are axiologically ambiguous, situationally and psychologically motivated, which indicates the influence of realistic tendencies on the writer’s work. The multiplicity of points of view on the key events of the novel, expressed in the speech activity of the characters, in combination with the conditionally “neutral” position of the narrator, who takes the position of an independent chronicler, contributes to the creation of an objective picture of one of the crisis moments in the history of the Armenian people and allows the reader to independently develop evaluative criteria for its perception.

Key words: *Russian literature of the 1830s, historical novel, Caucasian theme, Walter Scott tradition, artistic narrative, Platon Pavlovich Zubov, “The Karabakh Astrologer, or the Foundation of the Shushi Fortress in 1752”, history of Karabakh.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 10 июня 2024 г., подписана к печати в № 1.СХХ (120) 2025 30.06.2025.